
Мамин-Сибиряк Д.Н. Повести; Рассказы, Очерки.

М.: Моск. рабочий, 1983.

OCR & SpellCheck: Zmiy (zmiy@inbox.ru), 24 июля 2003 года

I

-- Вот тебе и Шерама... -- проговорил мой возница, тыкая кнутовищем по направлению блеснувшей из-за пригорка степной речки Уразаевки. -- Как на ладонке...

Шерама, село дворов в полтораста, красиво облепило бревенчатыми избами холмистый берег Уразаевки. Издали можно было залюбоваться им. Таких сел в Зауралье попадаетея очень много. Одно только портило картину: насколько хватал глаз, ковром расстилались все поля и поля, и нигде не было даже клочка леса. А прежде, лет полтораста назад, судя по преданиям, вдоль берегов Уразаевки красовались вековые бора, -- и аборигены Шерамы, башкиры, откочевывали на летние тебеневки далеко, в Ишимскую степь. Даже пней не осталось от этих боров, все выжгли уральские заводчики, им усердно помогали и сами крестьяне. Русский человек ценит лес только тогда, когда его изведет до последнего дерева. Впрочем, шераминские мужики не особенно тужат об исчезнувших лесах, потому что на месте этих лесов теперь зеленеют бесконечные хлебные поля, сенокосы, и только часть остается под пустошами, куда выгоняют скот. История этих исчезнувших в Зауралье лесов живо напоминает историю прежних обитателей этого благословенного края, башкир; последние давно уже вытеснены из лучших мест русским населением. От башкир остались во многих местах только одни названия. Так, речка Уразаевка и село Шерама -- несомненно, названия башкирские, хотя в Шераме не найдете ни одного башкира, как и по всему течению Уразаевки. Здесь плотно и крепко осело русское население, и между бывшими башкирскими деревнями рассажались чисто русские села: Шляпово, Новоселы, Полома и так далее.

Но зауральский мужик совсем не того типа, к какому привык глаз в великорусских губерниях. Здесь живет народ "естевой", то есть зажиточный (вероятно, от слова: есть), "народ-богателей", если сравнить с "Расеей". Матушка Сибирь вспоила, вскормила его и на ноги поставила. На привольных местах окреп тот же самый народ, раздобрел. Недаром славятся сибиряки своей смышленостью и промышленным характером. Под боком киргизская степь, Обь с своими притоками; позади стеной подымается Урал -- было где поучиться зауральскому мужику уму-разуму.

От деревни Шляповой до Шерамы вез меня какой-то дядя Евмен и всю дорогу весело балагурил на своем облучке. При виде Шерамы даже Евмен пришел в некоторый восторг, потому, вероятно, что она раскинулась, "как на ладонке".

-- Важное село, -- говорил, любуясь, Евмен, когда наша телега начала осторожно спускаться по крутому кособору прямо к реке. -- А вон дом попа Якова... Естевой поп. Тебе к нему?

-- Да.

-- Ну, ты, ма-ахонькая! -- прикрикнул на свою лошадь Евмен, прыгая на облучке; его рубаха из изгребного холста надулась парусом, показывая свои кумачные ластовицы. -- Попадья Руфина пирогом попотчует, -- прибавил Евмен, поворачивая ко мне свое широкое улыбавшееся лицо с оскаленными зубами и загорелым румянцем.

-- Любите попа Якова? -- спросил я.

-- Якова-то? Пошто его не любить -- любим... Он у нас как мохом оброс. Теперь, надо полагать, на пятый десяток перевалило, как он поступил к нам в Шераму. Нет, ничего, любим Якова... у него десятин сорок, поди, посеяно -- да скотины сколько... всякой всячины -- дивно! Яков-то все у нас сам доспиеет*, своими руками, оттого мы его и любим. Примется пахать, так куды мужику, не угнаться... Могутный из себя, навалится на сабан, так лошадь-то только-только не закрихтит, едва выворотит полосу-то. Важно